

Владимир ГОПМАН -

о неестественных науках и жизненных сложностях, а также при чем здесь Станислав Лем.

Мой сегодняшний собеседник – профессор кафедры литературной критики факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета Владимир Львович ГОПМАН. Мы знакомы с ним более тридцати лет, и причиной тому то, что он – не только академический ученый, но и активный любитель фантастики, автор сотен публикаций о фантастике. А главная его любовь – английские писатели-фантасты, о которых он выпустил замечательную монографию «Золотая пыль».

– Владимир Львович, уж извините, но литературоведение простой народ, скорее всего, серьезной наукой не считает. Возможно, виной тому школьное образование с его «положительными героями» и идеологическими установками. А вообще, зачем изучать художественную литературу в принципе?

– Если говорить о «простом народе», то ему-то, полагаю, любая наука до фонаря. Любое «ведение», от литературоведения до металловедения, народ не считает серьезным делом. «Дело» же – это то, что производится – точится, выпиливается, сколачивается; ну, и выпивка, конечно, – это святое... Но вы правы относительно того, что к литературоведению отношение менее уважительное, чем, например, к истории. Можно, конечно, лягнуть лишний раз школьное образование (и этот раз не будет лишним...), но причины куда более глубоки, начиная с общего малоуважительного отношения к гуманитарному знанию. Отчасти об этом – тонкое и, как всегда, изящное высказывание Сергея Довлатова (в книге «Чемодан»): «Существуют в мире точные науки. А значит, существуют и неточные. Среди неточных, я думаю, первое место занимает филология». Литературоведение – наука о художественной литературе, ее происхождение, путях развития, современном положении. Кого-то больше интересует теория литературы, кого-то – история литературы, кого-то – литературная критика. Все эти области литературоведения имеют своих приверженцев.

Что же до того, зачем нужно изучать художественную литературу, то ответ на этот вопрос и прост, и сложен. Если любишь литературу – по-настоящему, как женщину, то хочется, на мой взгляд, знать о ней все: о ее жизни, здоровье, о ее родных и знакомых, ее вкусах и интересах. Если же сказать совсем просто... Я занимаюсь литературоведением и литературной критикой потому, что мне это нравится. Я никогда не водил большегрузные фуры, не работал токарем или фрезеровщиком (только электромонтером...), не выращивал рыбу и не выдувал стекло. Как знать,

возможно, эти занятия мне бы понравились. Но об этом, наверное, нужно было подумать раньше...

– Существует ли такое направление в этой науке, как фантастиковедение? Чем оно отличается от других направлений литературоведения?

– Фантастиковедение, вне всякого сомнения, существует как самостоятельное направление в литературоведении – замечу, нередко этот вид гуманитарной деятельности называют фантастиковедением, что, на мой взгляд, неверно. Ведь фантастиковедение занимается фантастикой, тогда как фантастиковедение должно заниматься фантастами...

От других направлений в литературоведении фантастиковедение отличается тем же, чем фантастика – от остальной литературы. Фантастика – повторим это опять и снова – неотъемлемая часть литературы, но, по моему глубокому убеждению, особая литература. Принято выделять два основных вида фантастической литературы. Один, называемый «научная фантастика», основан на использовании единой сюжетной посылки (допущения) рационального характера, согласно которой необычное (небывалое, даже, казалось, невозможное) создается с помощью законов природы, научных открытий или технических изобретений, в принципе не противоречащим естественнонаучным воззрениям, существовавшим в то время, когда было написано произведение. Второй, называемый «фэнтези», основан на сюжетном допущении иррационального характера или множестве сюжетных посылок, когда в создаваемом писателем мире возможным оказываются все: боги, демоны, волшебники, говорящие животные и т.п.

Фантастическая литература, приобретая чрезвычайную популярность в XX веке, не теряет ее и в наше время. Поэтому перед наукой о литературе стоит задача не просто осмыслить этот феномен, но изучить его. Человек и будущее, человек и космос, человек и новая среда обитания – вот что служит объектом изучения фантастиковедения. Недаром Станислав Лем говорил, что фантастическая литература – «одна из

разновидностей реалистической литературы, поскольку проблемы, которым она посвящает себя, должны быть реальными».

– Чем вас лично привлекает фантастика?

– Вот это вопрос трудный... Опять-таки, как с любимой женщиной: часто любишь не за что-то, а вопреки... И так трудно объяснить, почему любишь... Что-то похожее на слова Портоса, объяснявшего, почему он собирается драться на дуэли с д'Артаньяном: «Я дерусь, потому что... дерусь...».

Для меня фантастика – иной взгляд на привычное, обыденное, особая образность, поразительное умение думать и смотреть иначе. К тому же, простите за некий пафос, я прожил в фантастике существенную часть жизни, здесь у меня друзья и единомышленники; сроднился я с нею...

– В чем, на ваш взгляд, отличие исследований отечественной фантастики от зарубежных работ?

– Говоря об этом, трудно удержаться от вздоха – или даже от серии вздохов. Современная литература о фантастическом на Западе представляет собой целую библиотеку. В ней отдельные стеллажи занимают работы по истории и теории фантастики, о творчестве писателей-фантастов: Уэллсе, Жюль Верне, Мери Шелли, Олафе Стэплдоне, Хаксли, Оруэллу, Айзеку Азимову, Филиппе Дике, Роджере Желязны, Рэе Брэдбери, Джеймсе Грэмме Балларде. А также исследования, посвященные фантастике и философским проблемам современности, фантастическому кино и театру, преподаванию фантастики в колледжах и университетах. И еще полки с работами, рассматривающими связи между современной фантастикой и постмодернизмом, фантастикой и феминизмом, фантастикой детской и взрослой, наконец, с книгами о фантастических литературах разных стран мира: Испании и Латинской Америки, Югославии, Израиля, Китая, Норвегии, Польши, Болгарии, Бельгии, Канады, Японии, Германии, Франции, Австралии... В этой библиотеке работы об отечественной фантастике занимают один стеллаж – и

то, боюсь, неполный...

На Западе совершенно иное отношение и к самой гуманитарной деятельности, и ее организации. Там существуют мощные фонды, которые обеспечивают проведение конференций, выдачу грантов на научные исследования, публикацию их результатов. И мозги у нас есть, не хуже западных, и исследователи есть серьезного уровня, но отечественное фантастиковедение явно уступает западному.

Самое печальное в том, что очень мало молодых исследователей. Причины того очевидны: аспиранты и молодые преподаватели получают постыдно мало (зарплата преподавателей высшей школы – тема для отдельного плача...), потому мало людей, готовых заниматься фантастикой, по сути дела, на «общественных началах». И публикационных площадок крайне мало. «Толстые» периодические издания печатают материалы о фантастике крайне неохотно. Журналов фантастики у нас в стране, кроме «Мира фантастики» в Москве, нет. Периодические издания, выходящие в системе высшей школы (различные «Вестники»), выходят, простите за получившимся невеселым каламбуром, весьма неохотно. Например, у нас в РГГУ для публикаций работ литературоведческих выделяется один номер в году. А в этом году по причинам финансового характера не будет и его...

Это же относится к книжным публикациям. Издательства весьма неохотно берут к изданию книги литературоведческого характера, а к фантастиковедческим работам отношение еще хуже. За свой же счет преподаватель высшей школы издать книгу никак не может себе позволить...

– Меняются ли методы работы литературоведов со временем? Можете ли вы назвать новшества, которые привнесены в эту науку в последнее время?

– Конечно же, методы меняются. XX век принес удивительное разнообразие литературоведческих концепций, отличающихся в разных странах. В Германии – это феноменология и герменевтика, во Франции – структурализм и постструктурализм, в англоязычном литературоведении – «новая критика» и деконструктивизм.

Можно множить список этих явлений, но едва ли стоит в нашем разговоре, который ограничен рамками газетной полосы, углубляться в культурологические джунгли.

– А каковы перспективы литературоведческих исследований в будущем? Возможны ли принципиально новые подходы?

– Безусловно, эти исследования в будущем будут расширяться. Однако перспективы их, исходя из вышесказанного, далеки от радужных. Сокращение финансирования гуманитарных наук – явление, увы, международного характера (глобализм-с...).

– Фантастика, в отличие от других видов литературы, может обращаться к показу грядущего, то есть выступать в роли художественной футурологии. Есть ли здесь работа для литературоведов?

– Несомненно, фантастика использует приемы футурологии для того, чтобы создать художественный образ будущего. И, разумеет-

ся, литературоведы, обращаясь к фантастике, должны иметь представление и о футурологии, и о прогностике, а также обязательно (на мой взгляд!) должны прочесть классический труд Станислава Лема «Фантастика и футурология».

– Как вы думаете, какие конкретные направления фантастического литературоведения следовало бы развивать в ближайшее время? Что для этого нужно?

– Трудно сказать, какие именно конкретные направления нужно развивать. И любые исследования – будь то в сфере естественнонаучной, будь то в сфере гуманитарной, нуждаются в поддержке государства. Финансирование программ, университетских курсов, издательская база, наконец, не будем ханжами, достойная зарплата преподавателей высшей школы (ведь именно там работает основная часть исследователей). Но что толку повторять это снова и снова... Вспомним восточную поговорку: если мы сто раз скажем «халва», во рту не станет сладко...

...В «Конармии» Бабеля есть такая сцена. Перед началом сражения Ворошилов просит Буденного напутствовать бойцов. Командарм выезжает перед строем и негромко произносит: «Ребята, у нас плохая положения...». Пожалуй, эта фраза достаточно адекватно описывает состояние, в котором находится академическая наука не только в нашей стране, но и в странах СНГ. И все же она выживает... Потому – закону продолжению цитаты из Бабеля. Произнеся эту фразу о плохом положении армии, Буденный добавляет: «Веселей, ребята...». Так что, несмотря ни на что: веселей, ребята, все будет хорошо!

